

ПРАВО КРИЧАТЬ

Татьяна Осипова

Татьяна Осипова

Право кричать

<https://litres.ru/73981684>

SelfPub; 2026

Аннотация

Они отняли у людей боль. И вместе с ней — любовь, гнев, мечты.

Неополис-23 — город без эмоций. Здесь не плачут над мёртвыми, не рисуют по памяти, не обнимают на прощание. Двадцать лет назад «Протокол Тишины» превратил людей в рабочих пчёл. Но нашёлся тот, кто отказался молчать.

Виктор Крамер — лидер сопротивления, враг системы и беглец, которому некуда возвращаться. Акира Мор — дочь создателя «Протокола», запертая в золотой клетке элиты. Их встреча запустит цепную реакцию, которую не остановит даже смерть.

Лабиринт. Мутанты. Дроны-убийцы. Суд, где закон переписывают на ходу. И один вопрос, который громче тишины:

Что останется от человека, если забрать у него душу?

Содержание

1	4
2	7
3	10
4	12
5	14
6	17
7	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Татьяна Осипова

Право кричать

1

Утро в Неополисе-23 начиналось с ритмичной музыки. Мелодия скользила между белоснежных стен, билась в зашторенные окна и взметала над крышами стаи голубей.

Музыка обрывалась внезапно. Наступала «Великая тишина». Шум здесь — зло, нарушающее покой.

Люди просыпались и облачались в серый стандарт: офисные костюмы, комбинезоны рабочих, униформу врачей. У каждого — личный бейдж: имя, должность, штрих-код статуса. Никаких вольностей. Одинаковые стрижки у мужчин и женщин, едва заметный макияж, отсутствие украшений. Главная заповедь — не выделяться.

На бледных лицах ни тени улыбки. Дети шагали в школу стройными рядами, беззвучно, напоминая маленьких серых солдатиков.

Женщина шла слишком быстро — походка выдавала её из общей массы. Над головой завис дрон-страж. Она застыла, услышав мерзкое жужжание. Считывая бейдж, страж отправил предписание: «Продлить лицензию на Седикор». Нейроингибитор заканчивался. По лицу женщины пробежала су-

дорога. Она опустилась на колени и заплакала.

Никто не остановился. Люди шли мимо под мерный стук собственных каблуков. По проспекту беззвучно плыли машины. Неополис-23 ждал своих рабочих пчёл.

Двадцать лет назад Сочи стал первым полигоном по подавлению эмоций. Эксперимент признали блестящим: производительность взлетела, преступность исчезла. Теперь безликие номерные города множились по всей стране.

Улицы опустели. Ветер погнал по тротуару обрывок плаката. Роботы-уборщики возмущённо зажужжали, бросаясь на мусор.

Мужчина на остановке проводил их взглядом и усмехнулся: кажется, машины сегодня человечнее людей. Даже они не разучились бунтовать.

К нему подлетел дрон. Завис перед глазами. Мужчина смотрел в камеру невозмутимо, без тени недовольства. Просканировав бейдж, страж выдал:

— Срок лицензии на работу истёк. Получите новое распределение в «Службе Распределения Рабочих Ресурсов».

Он сухо кивнул.

Подошёл автобус. Приятный женский голос пригласил в салон. Мужчина сделал шаг, сердце внезапно пронзила острая боль. Он покачнулся, хватая ртом воздух. В глазах потемнело.

Он упал у раскрытых дверей. Пассажиры смотрели на

него сквозь стекло, но никто не вышел.

— Поездка отменена, — бездушно сообщил голосовой помощник.

Двери сомкнулись, и автобус плавно отчалил.

Дрон-страж сфокусировал камеру на теле:

— Вызов «Скорой помощи» отправлен. Оставайтесь на месте, вам помогут.

Мужчина лежал у ножки ярко-голубой скамьи. Смотрел в синее небо и понимал: это — финал.

Последняя мысль принесла облегчение: «Наконец-то... свобода».

2

Виктор Крамер сидел в тесном кабинете. Стены пахли старыми обоями, на полках стояли книги, изданные до «цифровизации». Лидер сопротивления и враг блокираторов эмоций.

Новое мироустройство он считал муравейником. «Им не нужны мечты, только работа и матка. Но я не муравей». Эти слова его помощник Никита Курков знал наизусть. Виктор наблюдал, как в коридоре подполья дети азартно играли в «войнушку» — запрещённую забаву там, в Неополисе-23. Здесь дети были обыкновенными.

Тёмные волосы Крамера падали на лоб, в серых глазах — привычная сосредоточенность. Он прикидывал расходы в блокноте. На скуле — свежая ссадина после вылазки.

В дверь влетели двое мальчишек. Виктор невольно улыбнулся:

— Эй, полегче, пацаны... Позовите Никиту.

В комнату вошёл Курков — высокий, широкоплечий, из поколения «нередктированных». Виктор поднял на него взгляд:

— Привет. Расчёты дрянь, Никит. В этом месяце мало мяса...

— Вик, — перебил его друг. — Твой отец. Он...

Виктор замер. Знал: отец слишком часто выходил в город.

Скучал по жене, бродил по старым улицам. Карандаш хрустнул в пальцах.

— Инфаркт. На остановке, — Курков отвёл взгляд. — Пока «страж» вызвал помощь, Дениса Петровича не стало.

Лицо Виктора побелело. Он смотрел сквозь друга, сжав губы. Никита понимал, что сейчас не время, но медлить было нельзя.

— Есть сигнал из «Золотого сектора». Акира Мор. Дочь создателя «Протокола тишины». Она хочет встречи. С тобой.

Крамер опустил глаза на обломки карандаша:

— Где и когда?

— В «Золотом секторе». Она готова помочь проникнуть в лабораторию. Даг Мор не стал её «редактировать». Странно, правда?

— Куда уж страннее, — выдохнул лидер мятежников.

Он смахнул одинокую слезу — ту самую, за которую в городе отправляют на коррекцию.

— Отец... Где он?

— В морге. Тебе нельзя туда, Вик. Сразу вколют препарат.

— Знаю, брат, — кивнул он. С матерью он тоже не смог проститься. — Главное, мы помним. Всех, кто там остался.

Он посмотрел на бетонный потолок. В Неополисе-23 мёртвых кремировали, а прах развеивали над морем. Родственникам выдавали фото и две белые гвоздики. Ни могил, ни урн. Власти объясняли это просто: «Лишённым эмоций»

ни к чему вспоминать тех, кто ушёл. Они выполнили функцию. Оплакивать их — лишнее». Гвоздики и фото выглядели бы ненужными для людей, которые не скорбят по потерям. Но те, кто устраивал погребение — работники крематория, ритуальные агенты, чиновники, подписывающие бумаги, — сидели на низкой дозе Седикора. В них ещё что-то оставалось от прежних людей, у которых ещё не выродилась человечность. Они вкладывали в эти ритуалы память за тех, кто уже не мог.

3

«Золотой сектор» сиял мрамором и стерильной чистотой. Золотистая плитка фасадов, дорожки из белого камня, азиатские садики. Розовые спины карпов мелькали в прозрачной воде — Акира любила наблюдать за рыбами с горбатого мостика.

Она только поступила в университет, но отец настоял на дистанционном обучении. Ей запрещено покидать сектор без охраны и заводить друзей. Девушка не понимала: почему она должна быть заперта? И зачем подавлять чувства?

Однажды она сказала отцу:

— Жизнь в «золотой клетке» пуста. Мне некому показать свои стихи и рисунки...

— Замолчи, — оборвал он мягко, но твёрдо. — Придёт время, и всё изменится. Ты нередактированная.

— Значит, мой папа — великий учёный, который просто нарушает закон? — она потрянула длинными каштановыми волосами, которые так выделяли её на фоне одинаково стриженных горожан.

— Да, — он сжал пальцы. — Нарушаю. Ради тебя. Не создавай проблем.

Она вернулась в квартиру. С пятнадцатого этажа Акира смотрела на серые кварталы Неополиса-23. Водила пальцем по запотевшему стеклу и тут же стирала след. Творчество

здесь было под запретом.

С грустью обернулась к картинам на стенах. В ящике стола лежал карандашный портрет, который она не показывала никому. Акира достала лист. Упрямое лицо, волевой подбородок, взгляд борца. Улыбнувшись, она прикоснулась к рисунку.

Она увидела его на манифестации, когда повстанцы пытались прорваться к стенам сектора. Акира проезжала мимо с водителем отца. Один взгляд на этого парня — и сердце забилось, как пойманная птица. В «золотой клетке» нет места чувствам, а на воле их придётся прятать.

Девушка уже знала, как выйти на информатора Крамера. Отец не одобрит, но Акира верила: если случится беда, он будет на её стороне.

4

— Ты дома? — Акира выбежала в прихожую, едва услышав звук открывающейся двери.

Сегодня отец выглядел особенно уставшим. Она обняла его и ласково поцеловала в колючую щёку.

Сердце Дага Мора дрогнуло. Он любил дочь и видел в ней сходство с погибшей женой.

— Папа, скажи, почему я не такая, как все? Я не говорю, что они правы, но... те люди... на митинге... Они настоящие — как ты, как я.

Даг хотел возразить, но на споры с дочерью у него не осталось сил.

— Однажды ты поймёшь. И, возможно, простишь меня.

Он нажал кнопку вызова ужина и стянул с шеи галстук. Акира стояла растерянная. Вопросов с каждым годом становилось больше. Ответов — нет.

Она вспомнила о портрете матери. Нарисовала его давно, и этот тайный рисунок не показывала даже отцу.

Ели молча. Даг не хотел говорить. Акира не стала его мучить. После ужина она решила, принесла портрет матери к нему в кабинет и молча положила на стол.

— Мама родом из Японии? Поэтому меня называли Акира.

— Да, — грустно улыбнулся отец.

Коснулся пальцами портрета — рука замерла. Впервые за

долгое время ему захотелось заплакать, но он не смог. Принимал Седикор, хоть и в малой дозе. Работа обязывала. Но сейчас ему хотелось кричать. Только право на это он давно потерял.

Спрятал рисунок в сейф. Туда, где лежали папки с секретными документами, кодами доступа и файлами лабораторий.

Акира замерла в дверях, не решаясь войти. Отец не видел её. Она смотрела, как его пальцы набирают код — шесть цифр, которые она запомнила с первого раза.

Вентиляция пахла старой пылью и железом. Виктор пробирался по тёмному лабиринту, зная карту маршрута до «Золотого сектора» наизусть. Боль от потери отца не давала покоя, и Крамер заполнял пустоту риском. Та девчонка из элиты... Для него она была лишь продуктом роскоши, но она владела информацией, способной взорвать режим.

В «Золотом секторе» дозировку Седикора снижали. Правителям нужны были те, кто способен мыслить и творить, пока остальной Неополис-23 превращался в бессловесное стадо.

Выбравшись из шахты, Виктор оказался в коллекторе. Здесь было непривычно чисто, пахло свежей водой. До дома Дага Мора — пятьсот метров. На улице сгущались сумерки, зарядил холодный дождь. Погода сегодня на стороне Крамера. Он притаился в тени, глядя на балкон второго этажа. Свет в окнах манил теплом. Подняться туда не составило труда — выступы и колонны фасада стали идеальной опорой.

Виктор по-кошачьи спрыгнул на мокрую плитку балкона. Осторожно толкнул стеклянную дверь — та поддавалась, впуская в стерильную комнату запах дождя. За столом сидела девушка. Длинные каштановые волосы — вызов законам города — мягко струились по её плечам. Акира.

Она всхлипывала, вода пальцем по рисунку. Виктор бес-

шумно подошёл со спины. На карандашном портрете, залитом слезами, он узнал своё лицо. От неожиданности он слишком шумно выдохнул. Акира резко обернулась. Крик застыл в горле, страх в её глазах мгновенно сменился узнаванием и робкой радостью.

— Это ты, — выдохнула она. — Ты пришёл.

— Мы разве знакомы? — Виктор сделал шаг назад.

Она покачала головой и судорожно схватила со стола мокрый лист.

— Я знаю, кто ты, Виктор Крамер. Папе не понравится, что я помогаю, но...

— Допустим, ты ещё ничего не сделала, — он склонил голову, изучая её.

— Увидела тебя на митинге. Нарисовала по памяти, — она прикусила губу. — Документы о проекте «Конвейер»... Код доступа у меня. Если у отца не хватает духа это остановить, может, получится у нас?

Виктор скептически скрестил руки на груди. Верить «золотой девочке» очень опасно, но в её глазах он увидел не каприз, а настоящую скорбь.

— Мой отец понимает, что превращает людей в кукол, — Акира шмыгнула носом. — Он страдает, но система сильнее его. Мне жаль папу... и себя. У меня нет друзей. Ты первый, с кем я могу вот так говорить.

Она снова расплакалась — искренне, по-детски.

— Почему так больно? Словно внутри что-то разрывает-

ся...

— Это называется грусть, — негромко ответил Виктор.
— Раньше все так умели.

Он протянул ей клетчатый платок. Акира замерла, глядя на кусок ткани как на артефакт из забытого прошлого.

— Подожди здесь. Папа спит, он не узнает. Я всё принесу.

Она решила предать отца, чтобы спасти его. Виктор смотрел ей вслед. Она не тепличное растение — она человек, сделавший выбор. Он понимал: сейчас главное — остановить машину, превращающую людей в рабочих пчёл. Его задача — победить и заставить власть расплатиться за преступления против человечности. Но запутавшуюся девчонку с большим сердцем ему стало по-человечески жаль.

Вскоре Акира вернулась с чёрным пластиковым конвертом. Рука её не дрогнула. Виктор принял документы и шагнул к балкону, но её пальцы задержались на его запястье.

— Мы увидимся снова? — в её голосе звучала мольба.

— Обязательно, — соврал он, глядя в её яркие голубые глаза.

Виктор протянул ей ладонь, но Акира, не поняв жеста, внезапно обняла его, прижавшись лицом к груди. Крамер вздрогнул от этого тепла.

— Не плачь больше, — тихо произнёс он. — Когда-нибудь мир снова научится плакать и смеяться по-настоящему.

Он шагнул к балкону и исчез в пелене дождя.

Виктор пытался сосредоточиться на плане лаборатории, но мысли путались. «И что мне сдалась эта девчонка? — злился он на себя. — Чувствительная, изнеженная... Она же не понимает, во что ввязалась». Он нервно грыз карандаш, пытаясь заглушить чувство вины работой.

В комнату зашёл Никита.

— Задания розданы. В резерве остался только мелкий.

— Рома? Ему же всего двенадцать, — Виктор оторвался от записей.

— Возраст нестабильный, но пацан гений. Справляется.

Курков опёрся о стол, глядя на карту.

— Слушай, а что с тем бывшим охранником, Козиным? Стоит его внедрять?

— Проверь на мелком деле. Дай задание, от которого не зависит наша безопасность.

— Часы на площади, — предложил Никита. — Установим взрывчатку. Если план в лаборатории сорвётся, обрушим их как отвлекающий манёвр.

Виктор задумчиво прикусил карандаш.

— Идея хорошая, но взрывчатку Козину не доверю. Если сдаст нас — группа окажется в ловушке. Пусть обеспечит транспорт и форму, а подрыв оставим своим. Нужно обрушить систему оповещения. Это ослепит камеры и парализу-

ет дронов. В это время Рома запустит вирус в «Центре Гармонизации». Комбинированный удар. Как тебе?

Никита понимающе кивнул, а затем хитро улыбнулся:

— Понял. А как тебе Акира?

— Никак, — Виктор отвёл глаза. — Обычная мажорка, которой скучно.

«Врёт», — отметил про себя Никита. В их деле личные привязанности часто пахли порохом и кровью, но расспрашивать не стал.

Виктор развернул чертёж.

— Выходим через вентиляцию в коллектор, оттуда — на площадь. Путь в десять километров. Четверых хватит. Главное, чтобы Ромка не струсил.

— Парни его прикроют. Выход в тех сектор через грузовой лифт. Нужна форма уборщиков.

— А Ромка? В комбезе и со шваброй он будет выглядеть нелепо. Подозрительно для ребёнка.

— Может, сыграет роль внучки какого-нибудь профессора? — предложил Виктор, запуская пальцы в волосы. — Акира поможет с брендовыми шмотками и подменными бейджами. Ромка их перепрограммирует.

— Но он не захочет переодеваться в девчонку!

— Не растает за пару часов. Голос ещё не ломается, сойдёт за какую-нибудь Анабель. Ради безопасности потерпит.

Виктор сплюнул сквозь зубы и выругался. Пора было переходить к кодам, которые Акира передала в чёрном кон-

верте. Он лихорадочно перебрал содержимое: схемы, чипы, файлы...

— Пусто, — выдохнул Крамер, чувствуя, как внутри похолодело. — Здесь всё, кроме главного ключа. Она не вложила его.

Никита подошёл ближе, заглядывая через плечо. Его лицо напряглось.

— Может, забыла? Или испугалась в последний момент?

— Или она гораздо умнее, чем мы думали, — Виктор сжал пустой конверт в кулаке, вспоминая её взгляд и то, как она прижалась к его груди. — Она оставила код у себя. Чтобы у меня не было выбора... Чтобы я вернулся.

Никита, нахмурившись, слушал, не зная, что ответить. Отпускать лидера снова в гнездо врага — идея опасная.

Он вспомнил о тёмном зеве вентиляционного отверстия, которое ещё недавно казалось пройденным этапом.

— Иди сейчас, — тихо сказал Никита, кладя руку на плечо другу. — Пока Даг Мор не обнаружил пропажу. Удачи, Вик. Постарайся не попасться дронам.

Виктор не ответил. Он уже затягивал ремни экипировки. Впереди снова ждала тёмная пасть вентиляции и девочка с японским именем, чьи глаза оказались слишком глубокими для этого фальшивого мира.

Он шёл по коридорам убежища, мимо уставших людей и спящих детей, ради которых он боролся.

Ливень стоял стеной. Холодная вода мгновенно пропитала куртку, но подменный бейдж работал — здание Дага Мора встретило Виктора лишь равнодушным светом жёлтых фонарей.

Дронам-стражам плевать на дождь, они видят тепло. «Акира не знает, что я вернусь, — думал Виктор, прижимаясь к стене. — А если она не одна? Если отец там?» Он медлил. Дерево у балкона намокло, кора стала скользкой. Времени на раздумья нет — долгое пребывание под окнами элиты пахло провалом.

Виктор прыгнул, пальцы в перчатках едва уцепились за ветку. С трудом подтянувшись, он влез на мокрый сук и перебрался на балкон. Сквозь незашторенное окно он увидел их.

Даг Мор не был похож на сурового учёного. Он улыбался, обнимая дочь, и легко коснулся губами её виска. Акира кивнула. Виктор замер — эта сцена «нормальной» жизни казалась чем-то инопланетным.

Когда отец вышел, Крамер спрыгнул на плитку. Дверь заперта. Порыв ветра хлестнул в лицо ледяными брызгами. Виктор коснулся стекла пальцами. В этот момент Акира обернулась — будто почувствовала его взгляд. Она подошла к двери. Их разделяло только стекло: холодное снаружи, тёп-

лое внутри. Волосы прилипли ко лбу Виктора, он смотрел ей в глаза, и время, казалось, превратилось в густой кисель.

Она повернула щеколду и впустила его — мокрого, грязного, приносящего с собой запах шторма. В её глазах вспыхнул страх, когда она оглянулась на дверь в коридор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.